

КИР
БУЛЫЧЁВ

П О С Е Л О К

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ

ВЕЛИКИЙ ДУХ И БЕГЛЕЦЫ

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Б90

Серия «Звёзды советской фантастики»

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Бульчѐв, Кир

Б90 Поселок. Тринадцать лет пути. Великий дух и беглецы. Белое платье Золушки / Кир Бульчѐв.— Москва: Издательство АСТ, 2017.— 637, [1] с.—(Звѣзды советской фантастики).

ISBN 978-5-17-104149-6

Истории о докторе Павлыше — традиционная космическая фантастика: многолетние полеты к неизведанным звездам, приключения на загадочных планетах, встречи с иной жизнью. Роман «Поселок» — «робинзонада», история тех, кто выживал на далекой планете, и тех, кто пришел к ним на помощь. В повести «Тринадцать лет пути» герои встают перед выбором: потратить ли годы своей жизни на достижение Альфы Лебедя или повернуть обратно. В начале повести «Великий дух и беглецы» корабль терпит крушение, а единственно выживший знакомится с первобытными инопланетянами. Повесть «Белое платье Золушки» — о любви. В мирах Кира Бульчѐва жизнь необычна, а его героев из будущего мы хотели бы видеть в нашем настоящем.

© Кир Бульчѐв, наследники, текст, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ИСТОРИИ О ДОКТОРЕ ПАВЛЫШЕ

Доктор Павлыш — один из самых известных героев Кира Булычёва. Впервые он появляется в повести «Последняя война» (1970). Корабль «Сегежа» прилетает на планету, недавно пережившую ядерную войну. Название корабля неслучайно: именно на сухогрузе «Сегежа» во время перехода по Северному морскому пути в 1967 году Кир Булычёв познакомился с корабельным врачом, ставшим прототипом его героя.

В 1972 году вышла повесть «Великий дух и беглецы». Корабль доктора Павлыша «Компас» терпит катастрофу. В живых остается только он один. Отправив сообщение о происшедшем, Павлыш отправляется исследовать планету, на которую ему удалось высадиться, и обнаруживает гуманоидов. Их цивилизация еще в самом начале своего развития, и в то же время, как видит Павлыш, над этими первобытными инопланетянами проводит эксперимент неизвестная высокоразвитая цивилизация.

«Белое платье Золушки» (1980) — история о любви. На Луне, на карнавале, доктор Павлыш встречает странную девушку. После мимолетного знакомства у него остается только ее имя, Марина Ким, и короткая записка. Спустя несколько месяцев, работая на планете Проект-18, почти полностью покрытой океаном,

доктор Павлыш узнает, что Марина тоже здесь. Он пытается с ней встретиться, но она отказывается. Причина — она стала биоформом: ее тело изменили для работы в тех условиях, в которых обычный человек работать не может. Однажды случается землетрясение, и доктор Павлыш спасает птицу, которая на самом деле измененная Марина.

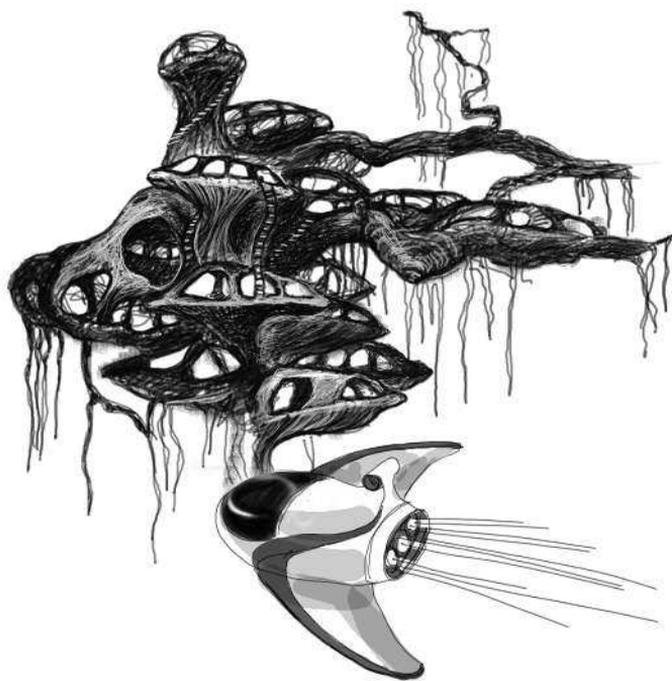
Повесть «Тринадцать лет пути» (1983) рассказывает о юности доктора Павлыша, когда он, тогда еще курсант, оказался на экспериментальном корабле «Антей», уже сто лет летящем к Альфе Лебеда. Благодаря телепортации экипаж меняется каждый год, но, когда прибывает смена Павлыша, связь с Землей обрывается. Приходится выбирать: возвращаться домой или лететь оставшиеся тринадцать лет до цели.

В романе «Поселок» (вышедшем полностью только в 1988 году) доктор Павлыш появляется лишь во второй части. А в первой описывается катастрофа корабля «Полюс» и семнадцатилетнее выживание оставшихся членов экипажа. В предельно неблагоприятной окружающей среде они постоянно находятся на грани жизни и смерти: старшее поколение стареет и теряет надежду, а младшее знает о Земле только от родителей. Но в момент отчаяния потерпевшие замечают в небе объект, который может быть только рукотворным. Действительно, на планету высадились еще одна экспедиция, в составе которой есть и доктор Павлыш. Обнаружив потерпевший крушение корабль «Полюс», его экипаж она сначала посчитала погибшим, но в конце концов встретилась с выжившими.

Истории о докторе Павлыше — это классическая космическая фантастика 1970-х годов, эпохи интенсивного освоения космоса и холодной войны, наивных надежд на скорые полеты к дальним звездам и парализующего ужаса перед возможностью ядерной катастрофы. Но прежде всего они — о людях из будущего, которых мы хотели бы видеть в нашем настоящем.

ΠΟΣΕΛΟΚ

Часть первая

ПЕРЕВАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В доме было сыро, мошка толклась у светильника, давно надо бы его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, полутьма. Олег валялся на койке — недавно проснулся. Ночью он сторожил поселок: гонял шакалов, они целой стаей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле были пустота и обыкновенность, хотя сам от себя он ждал волнения, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят — вернешься или не вернешься. А если пятьдесят в квадрате? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипеда нет, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашляла мать. Она, оказывается, дома.

— Ты чего не пошла? — спросил он.

— Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

— А кто за грибами ушел?

— Марьяна с Диком.

— И все?

— Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было бы естественно, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Если дожди не кончатся,— сказала мать,— до холодов огурцы не вызреют. Все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел в потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса: нос картошкой. А сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Дику в лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, степной человек, сам же всегда говорил.

— Мошки много,— уронила мать,— холодно ей в лесу.

— Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жили Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нитье, Олег никогда бы не согласился дежурить по ночам. Вот и сейчас слышно было, как они хором захныкали. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Старый пошел на кухню, и тут же загалдели его ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать.— Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. По ночам бормочет, ворочается, потом начинает тихо плакать — можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает: показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаваться, но он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которые увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. Лицо красное, в оспинках от перекаטיפоля,

под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, вытянув жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего ты? Сейчас достанет фотографию... правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поесть. Близнецы хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случилось. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить, пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи, не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и тонкие губы. Широкие, круглые, дугами брови, под ними ярко-голубые глаза. И белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, как у матери на фотографии. Отец с матерью молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега еще не было. А шестнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — попросил Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пущу тебя, — ответила мать. — Не отпущу, и все. Через мой труп.

— Мать, — Олег сел на койке, — хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне. Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу,— предложил Олег.— Воду вскипятить?
— Да,— отозвался Старый,— спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, как будто родился охотником, но на самом деле он родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу как дома,— сказал Дик.

Он произнес это громко. Дик шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить.

Лес был редкий, корявый, деревья выросли здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, заскрипели. Болела ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы. Дик вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— Погоди, Дик,— сказала она,— там цветок, которого я еще не видела.

— Может, обойдешься без цветов? — спросил Дик.— Домой пора. Мне что-то здесь не нравится.— У Дика был особенный нюх на неприятности.

ПОСЕЛОК

— Одну секунду,— ответила Марьяна и подбежала к стволу. Поздrevатая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, вытягивали пальцы, чтобы не упустить ни одной капли дождя.

Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашебуршились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он дернул Марьяну за плечи, оторвал от корней ее судорожно сжатые болью пальцы, посадил.

— Не открывай глаз,— приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

Неожиданно он навалился на Марьяну и прижал к корням.

— Больно же!

— Еще один прилетел,— сказал он, поднимаясь.

Два шарика перекаטיפоля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголок-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут от иголок молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметины.

— Ну ничего,— успокоил Дик,— больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное — чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.

— Да, конечно. — Марьяна провела ладонью по щеке.

Дик заметил, ударил по руке.

— Грибы хватала, цветок брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помог Марьяне собрать их. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий. Дик не хотел занимать руки. В лесу решают секунды, и руки охотника должны быть свободны.

— Посмотри, — произнесла Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая кисть с обломанными ногтями задержалась на руке Дика. — Я очень изуродована?

— Смешно, — сказал Дик, — у всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

— Татуировка?

— Забыла? Старый учил нас по истории, что дикие племена себя специально так украшали. Как награда.

— Так это дикари, а мне больно.

— Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

— Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное — не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

— Я не буду, — сказала Марьяна.

— Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы до плеч мешают. Плохо, что он живет один.

ПОСЕЛОК

Все живут семьями, а он один. С тех пор как его отец умер, так и живет. Привык уже.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

— Да, — бросил он, — звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно было бежать. Те, кто бежит не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их выкидывать. Уже скоро будет вырубка, а потом поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она увидела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил удобнее арбалет. Она тоже вытащила нож из-за пояса, но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или откапывать грибы. А если тебя догоняет стая шакалов, то нож не поможет, лучше взять палку.

* * *

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул: «Червяк!» И они сгрудились в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам. Рыжая Рут — дочка Томаса — завопила: видно, червяк угодил ей по голой руке жгучей присоской; ее мать высунулась из дома напротив и кричала:

— Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно остаться! Немедленно домой!

Но ученики решили вытащить червяка наружу, и Олег знал, почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красным, то синим, это очень интересно, только интересно им, а не матерям, которые панически боятся червяков, безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, произнес:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРЕВАЛ

— Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в конец ее, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбалетом в руке. В позе Томаса было напряжение. «Неладно,— сказал себе Олег.— Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не понимает, что она совсем другая, не такая, как он, и ее надо уберечь».

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плену. Тут рыжую Рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и поэтому пользы от него никакой.

— Что? — спросил он Томаса.

Тот, не оборачиваясь, кинул:

— По-моему, шакалы опять шляются. Стая.

— Та же, что и ночью?

— Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьяну ждешь?

— Они с Диком за грибами пошли.

— Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. Томас не хотел обижать Олега. Просто так получилось, что Дик надежнее: Дик охотник, а он, Олег, не очень охотник. Как будто быть охотником — высшее достижение человечества.

— Я, конечно, понимаю,— улыбнулся вдруг Томас. Он опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды.— Но это вопрос приоритета. В небольшом обществе, скажем, подобном нашему, способности, к примеру математические, отступают на шаг по шкале ценностей в сравнении с умением убить медведя, что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, длинные губы гнулись в углах, словно не помещались на лице. Лицо было темным, все в глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки желтые. У Томаса больная печень. Может, от этой болезни он стал

совсем лысый и часто кашлял. Но Томас был выносливым и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил стрелу. Олег кинул взгляд туда, куда, взвизгнув, метнулась стрела. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов, словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он рухнул на луг и, дернувшись, затих.

— Выстрел мастера,— сказал Олег.

— Спасибо. Надо оттащить, пока воронье не налетело.

— Я притащу,— предложил Олег.

— Нет, он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Если ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю идти. Сколько шакалов в стае?

— Я шесть штук ночью насчитал.

Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торчала иглами.

Олег повернулся, чтобы бежать за арбалетом, но его задержал свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка слышно.

Остановиться? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.

— Что там? — Мать стояла в дверях.

Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал крюк. Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?

— Стрелы за плитой,— сказала мать. — Что случилось? Что-нибудь с Марьяной?

Старый выбежал с копьём. Как будешь стрелять из арбалета одной рукой? Олег обогнал Старого, на ходу вытаскивая стрелу из колчана, хотя на ходу этого делать не стоило.

Вся малышня поселка неслась к изгороди.

— Назад! — крикнул Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегал сзади, замереть.

И тогда из серой ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик. Крик был далекий, короткий, он прервался; и наступило